

Коллектив авторов

**Маяк современного просвещения и
образованности**

Часть 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Маяк современного просвещения и образованности: Часть 6 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 200 с.

ISBN 978-5-517-93307-2

Труды ученых и литераторов русских и иностранных (с 1842 г. - «Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской») - литературно-политический журнал, издавался в Санкт-Петербурге в 1840-1845, ежемесячно. Издатели - В.И. Поляков, с середины 1840 г. - П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, затем Ю.А. Юнгмейстер. Редакторы - П.А. Корсаков и С.А. Бурачек, с 1842 - С.А. Бурачек. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1840 года

ISBN 978-5-517-93307-2

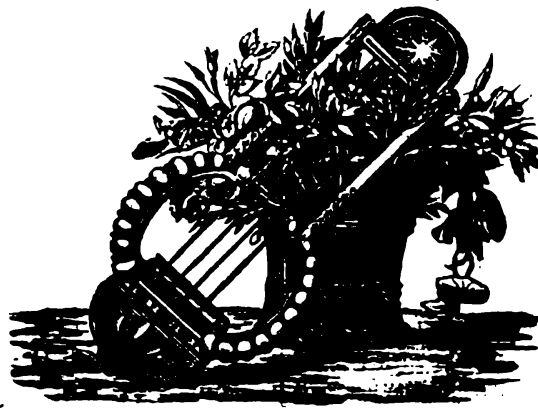
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТКЛЮЧЕНИЕ.

ПСАЛОМЪ

НА БЛАГОВОРОЩЕ ДАВИДА СЪ ГОЛИБОМЪ.

(ПРЕЛОЖЕНИЕ.)

Бысть масть моя братьями своими
И всахъ въ дому отца юнѣйшій, съ дѣт-
скими днѣи,

Я дахъ овецъ его среди степей —
И призывахъ скитаться съ ними,
Столь низкой доли не кланя!

Тогда органъ мой образовалъ руки,
А персты робкіе псалтырь..... но кто ихъ
звукъ

Къ Творцу вознесъ бы отъ меня?
Онъ Самъ, Онъ Самъ, къ Кому на
жмѣда

Я въ горы прибѣгалъ, Онъ слухъ ко мнѣ
склонилъ —

И, Ангела пославъ вѣсть, пастыря отъ
стада,
„Звѣй помянуема“ мнѣ на главу наиде! (*)

(*) По Синодальному: „Я вознесъ въ оубою
помощи Своего.“

Часть IV. Гл. II.

О! братія мои прекрасны, горделивы....
Но гдѣ же избранный изъ нихъ?
Неся проклятыя мнѣ отъ идоловъ своихъ,
Противъ меня возсталъ пришелецъ нече-
стивый:

Его я встрѣтилъ въ полѣ съчѣ,
Исторгнулъ мнѣ грозившій мечъ —
И сопостата обезглавилъ.....
Тебя жъ, Израильскій народъ.
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ,
Отъ поношенія избавилъ!

И. ВОРОЗНА.

ПСАЛОМЪ 83.

(ПРЕЛОЖЕНИЕ.)

О! сколь Твоя жилища пожелѣны,
Владыко силъ! Уже моя душа

Истомленъ желаньемъ безпредѣльнымъ
Узрѣть Твои чертоги! Плоть моя
И сердце радостью окрилены,
Въ стремленіи къ Тебѣ, живому Богу! —
Воробушекъ приютъ себѣ находятъ
И горлица гнѣздо своимъ птенцамъ
У алтарей Твоихъ, Владыко силъ,
Мой царь и Богъ! Блаженъ, кто водво-
рился
Въ превыспреннемъ селеніи — и во вѣкъ
Вѣковъ Тебя хвалами величаетъ!
Счастливы, кто ждутъ защиты отъ Тебя,
Свершая путь по сей долины слезъ:
Въ чьемъ сердцѣ возвышаются ступени,
Ведущія въ святилище Твое!

Такъ, Онъ пролѣтъ, законодавецъ див-
ный,
На избранныхъ Своихъ благословенъ!
Отъ силы къ силамъ перейдутъ они —
И наконецъ, на высотахъ Сиона,
Имъ явится всемогущій Богъ боговъ!

Господь! Владыка силъ! услышь меня!
О Богъ Іакова, оклони Своей заоръ
Къ помазаннику Твоему! (*) О! — одинъ

Отрадишь въ обителяхъ Твоихъ,
Чѣмъ тысяча! У прага Твоего
Я счастливымъ буду, чѣмъ подъ крошею
Жилища грѣшниковъ! — Господь есть

И солнце! Онъ дастъ милости и славу,
Онъ не лишитъ того даровъ небесныхъ,
Кто избралъ непорочности стезю!
Владыка силъ, блаженъ, стократъ бла-
женъ
Всякъ на Тебя надежду положившій!

(*) Въ Славянскомъ переводѣ: *призри на*
лице Христа Твоего. Давидъ, въ качествѣ
царя Израильскаго, часто именуетъ себя
Христомъ, т. е. помазанникомъ Божиимъ; но
это одно изъ мѣстъ въ псалмахъ, гдѣ ясно
пророчество объ истинномъ Христѣ, отро-
ченное царю-иудею свѣдѣніе, тѣмъ болѣе,
что онъ говоритъ (см. стихъ 17-й) передъ
этими о законодатель, который пролѣтъ свое
благословеніе на избранныхъ, или по Славян-
скому переводу: *благословеніе дастъ законо-*
полагали.

И. БОРОЗНА.

РАЗСУДОКЪ И СЕРДЦЕ

АПОЛОГЪ.

То плачетъ человекъ, то падо
всѣмъ свѣтается,
То презираетъ все, то отъ всего
мнителенъ:
Не столько въ воздухѣ бываетъ
перемѣнъ:
О! какъ онъ легкою своей
обремененъ.

Домоносоеъ.

Ты правъ, бессмертный нашъ поэтъ!
Такъ, человекъ всѣхъ странъ, всѣхъ
лѣтъ,
Своею легкою обремененный,
Повсюду суетный и вѣчно привремен-
ный:

Въ метелицѣ страстей, на вихряхъ вѣкъ
промча,
Въ крутящейся вѣхѣ, искрой гаснетъ;
Тѣмъ жизнь, какъ плугъ, въ нови упру-
гой, волоча,
Корыстью душится, въ расчетахъ вяз-
нетъ,
Стараетъ алчностью и тухнетъ какъ
свѣча;
Да бы же, на землѣ, одинъ родился воль-
нымъ

Въ хомьяхъ, въ помыслахъ и въ твор-
чествахъ своихъ:
Ни какъ, ни чѣмъ не хочетъ быть до-
вольнымъ...
И эта дурь ему обычный всѣхъ дру-
гихъ.

Вотъ я, мальчишкою, въ болыіе на-
рохтѣлся
На время быстрое, за медленность роп-
татѣ;

А только возмужалъ;
Такъ тѣмъ, что прежде мнѣ наскучило,
Въ дѣтяти захотѣлъ:
Вотъ же устарѣлъ,

То восхищеніемъ утратъ невозврати-
мыхъ,
Остатокъ дней моихъ гублю,
И всѣхъ друзей моихъ любившихъ, мною
любимыхъ, —
Дряхлѣю старостью — но... молодо люблю,
И сердце старѣясь, во мнѣ не кичется;

Надъ нимъ, мой грѣшный умъ,
 Какъ надъ кокеткою хохочетъ,
 А мой педантъ разсудокъ поднималъ шумъ;
 Онъ вздумалъ сердце звать: угарною жаровней,
 Лучивой дымною или чадной головней;
 И сердце бѣдное томить своей брызгней;
 За то, что смѣетъ быть неровней
 Монхъ сѣднѣ, морщинѣ, и притуплѣхъ
 глазъ;
 И, будто мальчику, даетъ ему приказъ;
 Тотчасъ размолодѣть, и впредь, кдючемъ
 кипищимъ,
 Не биться въ голову и мозга не палить,
 Не грезить будущимъ, прошедшее за-
 быть
 И отдыхать прохладно въ настоящемъ.
 Тутъ, сердце вздрогнувъ, какъ въ бѣдѣ,
 Въ надсаженную грудь, вдругъ, моло-
 томъ забило,
 И разныхавшись свое заговорило:
 Да настоящее твое и что? и гдѣ?
 Межъ будущимъ и бывшимъ
 Юркнетъ, мелькнетъ, ульнетъ и слѣдъ
 простылъ.
 И если кто его видалъ, то развѣ, въ
 тѣхъ.
 Такъ мнѣ съ тобой, повѣка переходив-
 шимъ
 Въ очкахъ или ризунью: не стать его
 ловить....
 Нѣтъ, я, зажженное огнемъ неугаси-
 мымъ,
 Любви безлѣтной, мнѣ горю, хочу лю-
 бить,
 Люблю и жажду быть любимымъ:
 Но пусть, само себя, безвременно истлею,
 Пускай взаимности неутомимо жажду;
 Чужь всѣмъ, чужимъ бѣдамъ состражду,
 За то и радости, чужія мнѣ, дѣлю!....
 Но можешь ли постичь, корыстолюбень
 жадный,
 Души потухшій лучъ —
 Печалей дружескихъ раздѣлъ отрадный?
 Молчи, оставь меня, не мучь:
 Мнѣ легче рваться отъ крушенья
 Пылающихъ, какъ я, сердецъ,
 Чѣмъ слушать, ледной мудрости!
 Твои замерзлыя ученья
 Чего ты хочешь отъ меня?
 Ужъ не того ль, чтобы я
 Къ всему, что есть прекраснаго, остыло,
 Оторвалось, отъ милаго всего,
 Любезнаго, какъ прежде не любило;
 А за успѣхъ расчета твоего

Какъ въ лихорадочномъ избилося бѣ оз-
 нобѣ
 И замирая день и ночь,
 Хотѣлобъ отдохнуть прохладно. въ гробѣ!
 Или радѣючи въ бѣдахъ
 Изныло бы, изсохло! и... за что же?...
 За то, что точить червь, что моль и въ-
 теръ тлѣть,
 И что вода, огонь и воздухъ землянятъ?...
 Нѣтъ, нѣтъ, избави Боже
 Меня отъ этой сухоты!
 На моль и на червей работай ты,
 И сѣй, въ трудахъ, земное сѣмя;
 Котораго плоды не знаешь кто пожнетъ;
 А мной не завладѣетъ время!
 И не *одручлое* меня сожжетъ
 Огонь любви и солнце воспалившій,
 И миръ затеплявшій и время освѣтив-
 шій:
 Изъ пепла моего, душа съ собой взнесетъ
 Мою любовь, туда, гдѣ не живетъ
 Ни что опричь любви, она моя стихія,
 Она,.... тутъ сердце вздохъ удержанный
 стѣснилъ,
 И прервалъ рѣчь; межъ тѣмъ разсудокъ
 рассудилъ:
 Что мудрованія его сухія
 Спалить, какъ ветошь, сердца пылъ
 И что, оно, отъ спора, душе *вспых-*
 нуть:
 Такъ хладнокровно разочтѣ,
 Что сердце, сущее дитя
 Порвется, покричитъ, дать волю, стих-
 нуть,
 И утомилъ грудь дыханьемъ чуть ко-
 лыхнетъ:
 Тутъ, на него, въ разплюхъ, разсудокъ
 нападетъ
 И подъ свою пласать заставитъ лудку;
 Да опытность, уже давно твердить
 Какъ сердце, волю взявъ, свое загово-
 рить,
 То, съ нимъ не сговорить разсудку.
 КНЯЗЬ А. ШАХОВСКОЙ.

~~ПОЭМЫ~~

БОРЬБА,

Подражаніе Голландскому поэту Билдер-
 дейку.

Какъ булатъ въ бояхъ обдержанный,
 Много бѣдъ я поборолъ;

Но меня въ борьбѣ ждалъ новый врагъ —
Разрушитель исполнилъ:
Гдѣ ногой толкнетъ, тамъ крѣпости
Рѣшетъ — какъ снопы въ гумнѣ;
Гдѣ рукой махнетъ, тамъ — уланца;
Не чинился онъ въ бою.

Бодро встрѣтилъ я противника;
Онъ — мнѣ горбъ наколотилъ:
У него бѣ слезы брызнули, —
Ни слезинки у меня.
Кто бѣ взглянулъ — чего мнѣ стоило
Удержаться на ногахъ,
Тотъ сказалъ бы: „карачунъ тебѣ!“
Я — стоялъ какъ мѣдный столбъ.

Наконецъ, онъ руки, ноги мнѣ
Издавилъ, переломалъ;
Я рванулся... пафъ! и оземь — бацъ.
Такъ швырнулъ меня силачъ;
Сколько съ нимъ я ни барахтался,
Какъ ни бился, ни крѣпился:
Онъ напалъ на добра молодца;
Не вставать ему съ земли.

Видно Время удале насъ
Удальцовъ — богатырей;
Видно мышцы сына вѣчности
Носильныя нашихъ рукъ;
Какъ ни бьемся, ни хорзимся мы
А въ дугу согнетъ онъ всѣхъ:
Рано ль, поздно ль, а растопчетъ насъ
Разрушитель-исполнѣ.

~~***~~

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ЖЕЛАНІЯ.

(Изъ Бильдердейка)

Никогда глухая ночь
Не смѣняла дня со стражи,
Чтобъ младенецъ не кропиль
Первой слезкой колыбели,
Или старецъ не стоналъ
На одрѣ своей печали.

Наслажденій тѣсенъ кругъ,
Какъ объемъ наземной жизни;
Всѣ желанья — какъ цвѣтокъ —
Нѣжный, пестрый, обыденный:
Утромъ рано разцвѣтутъ,
Смотришь: полдень — и завяли!

Мы лелѣемъ отъ души
Наши тщетныя надежды;

Прочимъ цѣлый рядъ утѣхъ...
Но скажите: гдѣ жѣ плотина
Отъ напора дрыхъ воли,
Противъ времени потока?

Смертный! самъ себя спроси:
Далека ль твоя могила?
Оглянись — она какъ тутъ!
Врагъ твой близокъ: за плечами;
И ширеетъ онъ съ тобой,
И твое онъ дѣлать ложе.

Изъ чего же бьешься ты,
Надѣвася работѣ цѣни?
Ломимъ душу наъ чего?
Изъ ничтожной горсти праха, —
Лишней въ гробъ для тебя;
И безъ ней земли довольно
Чтобъ засыпать прахомъ — прахъ!

П. КОРСАКОВЪ.

~~***~~

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ.

Гибкую уду себя я промыслилъ, искусно приладилъ
Волосья плетеный къ концу ея; вотъ и крючокъ ужъ навязанъ;
Въ леснѣй чашникъ я поставилъ кадушку,
куда бы мнѣ рыбу
Лову снастливаго прятать, и утромъ на озеро выплылъ.
Бросилъ я уду въ хрусталь перекатный и думаю: скоро
Мой поплавокъ заиграетъ; серебряной рыбы на долю
Много себя наловлю я; домой возвращусь, съ друзьями
Весело ловъ раздѣлю мой; уха моя лакомымъ паромъ
Станетъ на красномъ огнѣ волноваться и вотъ на столѣ ужъ готова
Жиромъ ароматнымъ подернута..... Тсъ!...
клюнула рыба приманку!...
Сердце забилось!... Попалась! и дернулъ я уду; — ахъ! лещъ черноперый!
Только я вбросятъ хотѣлъ его въ лодку, — какъ хищная щука
Бросилась вдругъ на добычу, и лещъ мой попался ей въ зубы.
Грустно и вместе досадно мнѣ стало
бросилъ я уду!

Ихъ дѣла дѣла лѣтъ: какъ будто не
тоже и въ жизни?
Ловишь ты счастье, ужъ близко, схва-
тилъ бы рукою,.... не тутъ-то!
Щука-судьба перехватитъ добычу, а съ
ней и желанную радость.

Я. ЩЕТИНЪ.

УСПОКОЕНЬЕ.

Посвящено Н. А. Ст. . су

Я грустнымъ опытомъ узнать,
Какъ мало радости, какъ много въ жизни
горя.
Едва отъ берега роднаго я отсталъ
И жизнь свою волнамъ повѣрилъ мо-
ря —
Противный вѣтръ мой парусъ изо-
рвалъ
И я одинъ, безпомощный скитался
Надъ бездною, среди кремнистыхъ
скаль.
Мой слабый умъ сомнѣнъ коле-
бался;
Но брошенный судьбѣ на произволъ,
Я сохранилъ въ душѣ святое упованье
И пристань тихую нашель.
Теперь, смиривъ мои желанья,
Не льщусь невѣрнымъ благомъ лъ
И, испытавъ, какъ тягостны стра-
данья, —
Я понялъ цѣну бытія.
Необольщаемый мечтами,
Я вѣрю въ доброту, и въ зло людей;
Я усмиривъ борьбу страстей
И за собой смотрю, какъ за часами.
Учусь рассчитывать сколь вѣренъ шагъ
впередъ,
Что общаетъ мнѣ грядущая минута;
И въ тихой пристани смиреннаго при-
юта —
Ужъ не фантазія — существенность жи-
ветъ.
Но ираченъ путь, которымъ я до-
стигъ
Сердечнаго успокоенья;
И потому меня пугаетъ мнѣ
Забывъ музы появленья.
Страшусь, какъ тягостнаго сна,
Услышать сладкіе знакомые напѣвы,

Они напоминаютъ мнѣ любимый образъ
дѣвы,
Я возмущусь опять, какъ бурная вол-
на, —
И соблазнительный потокъ воспомни-
нанья —
Разрушить мирнаго оплота, основанья.
Кто разъ любилъ, но истинно лю-
билъ,
Въ томъ не утасъ, затихнуть только
пламень; —
И опытъ, какъ холодный камень,
Прикрывъ его, — непрочно сторо-
жить.
Такъ послѣ гибели и громовъ извер-
женья,
Затихнетъ огненный вулканъ:
Поверхность спитъ подъ пепломъ раз-
рушеная,
А лава въ глубинахъ кипитъ какъ океанъ!

Ст. СТЕПАНОВЪ.

МОРЕ.

Пустыня море — ты спокойно,
Свою не поднимаешь грудь,
Волною развой тихо, стройно
На брегъ стремишься отдохнуть;
У берега ты волной играешь,
Вдали недвижимо течешь,
Въ пространствахъ міра исчезаешь,
На безконечность воды льешь —
И всюду ты безмолвно море,
Нигдѣ не слышенъ голосъ твой,
Пока съ вѣтрами не поспоря
Ты не вступаешь съ ними въ бой:
Тогда жъ и голосъ твой проснется
И волны страшно полетятъ,
Въ пространствахъ воздухъ ужаснется
Твоихъ неистовыхъ громадъ!
Завоевъ вѣтръ — вскипятъ и волны,
И забушуетъ пѣной ты,
И всѣ несчастливые чолны
Поплывъ испить своей воды;
Само себя вездѣ предѣлы
Начертитъ ты своей браздой,
На вѣтры ты пускаешь стрѣлы
Своей неистовой волной,
Кипишь, крутишь, шумишь, сверкаешь,
Волнистой пѣной воздухъ бьешь
Изъ бездны воды подымаешь
И ихъ на воды шумно льешь!...

Утихнутъ вѣтры!.. и ты море
Течешь спокойною волной,
Какъ прежде ты недвижно море;
Но твой мадеженъ ли покой?

Такъ точно ты душа поэта,
Какъ море полная всегда,
Отъ чувствъ, страстей, неправды свѣта
Твоя взбунтуется мечта —
И ты вскипишь, какъ волны моря,
Какъ тѣ неистовства полна,
Свое неистовое горе
Волнами брызнешь ты со дна —
Прольешь на прежнія мечтанья,
А тѣ извержены тобой,
Какъ лавой обольютъ желанья
Заблещутъ дивною волной!
И въ этотъ чудный мигъ волненья
Небесной жизнью поживешь,
И всѣ земныя наслажденья,
Какъ море чолны унесешь,

.....
.....
Но волны въ волны снова льются,
На берегъ брызгъ лишь летятъ;
Отъ чувства въ свѣтѣ остаются
Одинъ ихъ блескъ и ихъ нарядъ!

П. В.

ПѢСНЯ.

Не роса на алыи цвѣтъ падетъ весной,
Плачетъ дѣвушка; оставшись сиротой.

Нажила себѣ любезнаго она,
Но взяла дружка чужая сторона.

Не тоскуетъ онъ по милой, не груститъ,
Лишь поклонъ прислалъ — да долго жить велитъ.

Пишетъ грамотку: нашелъ невѣсту онъ,
Съ той невѣстою и въ землю положенъ;

Та невѣста отъ прага подарена —
Въ ретивое такъ и врѣзалась она.

Не роса на алыи цвѣтъ падетъ весной,
Плачетъ дѣвушка, оставшись сиротой.

Въ хороводъ она съ подружками ий-
детъ,
Одинокое пѣсню грустную поетъ:

„Спи спокойно, милый другъ, въ землѣ
сырой,
„Не надолго я простилася съ тобой!

„Не на радость мнѣ дѣвичья красота,
„Не хочу я жить безъ друга — сирота!

„Когда вѣтры лѣсть съ деревьевъ обор-
вуть,
„Спусти лѣто по маляку въ лѣсъ ней-
дутъ;

„Если въ сердце грусть о миломъ запа-
детъ,
„Сокрушитъ его — злодѣйка, изведетъ!

Ст. СТЕПАНОВЪ.

19 июня, 1840.

КОШКИ.

Басня

=

Хозяинъ новый домъ построилъ
И такъ все въ немъ чинненько устро-
илъ,

Что домъ былъ — хоть куда,
Когдабы не одна бѣда:
Изъ за стѣнныхъ шкаповъ, изъ подъ по-
лу, изъ крыши —
Куда ни обернись,
Куда ни оглянись

Отсюда выбѣгаютъ мыши!...
И словомъ — развелось нечистыхъ гостей
Такое множество, что отъ госпожъ мы-
шей —
Хозяинъ — весь свой домъ хоть выбрось
изъ окошекъ.

Вотъ бѣдный нашъ горюнь кой-съ-къмъ
поворожилъ,

И на базаръ сходя, купилъ
На тму своихъ враговъ десятокъ цѣлыхъ
кошекъ.
И насекъ съ машками онъ по полу пу-
стилъ;

А что за кошки-то! Ну — чудо!
Сперва мяукамые пошло повсѣмъ угламъ;
А тамъ —

Еще денекъ — и нарочунъ мышамъ!
Не душно, кажется? И подлинно не худо
Настала ночь; хозяинъ задремалъ,

Заснулъ, и высказалъ, ни мышки не слы-
халъ.

Прекрасно! кошкамъ — благодарность:
За ихъ усердіе, и ловкость, и исправ-
ность!

И вотъ хозяинъ всталъ... анъ-
хватъ!

Чтожъ вышло? Лучше бъ не
видать...

Его наперсницы — злодѣйки кошки,
Передавъ съ полдюжины мышей,

Взялись за пѣвчихъ снигирей,
За канареекъ, за чижей.

И перушками ихъ усыпали окошки!...
Глядь въ шкапъ и что же тамъ? Про-
визинъ — ни крошки!

„Ахъ! вы проклятыя, вы пакостныя
кошки!

Кричитъ хозяинъ пмъ: „считалъ васъ за
друзей

„И потерялъ отъ вашихъ я когтей
„Любимыхъ пташечекъ — мою отраду въ
жизни! —

„Вонъ — чтобы вашъ духъ не пахъ: сей-
часъ съ двора долой!“

— Хозяинъ — другъ ты мой!

Что кошки сдѣлали съ тобой, —
То либеральныя блюстители отчизны
Частенько дѣлають съ родимой стороною.

КОЛОМЕНСКІЙ СТАРОЖИЛЬ.

(Р. В. КРОУНЪ)

Задумчивъ, безмолвенъ, недвижимъ и
тихъ,

Безсильныя руки сложа на колѣни,
Герой, современникъ для двухъ поко-
лѣній, —

Сидитъ у камина главою поникъ.
Узнаете ль, кто онъ, какъ время, масти-
тый?

Смотрите, вся снѣгомъ покрыта глава,
Но дѣлъ его память, какъ юность жива —
То Несторъ героевъ, то Кроунъ знамени-
тый!

Не онъ ли въ державѣ Великой жены,
Когда разсвѣтало зарею блестящей
Величье Россіи, какъ утро весны,
Покрывъ себя славой, въ народъ гремѣ-
щей?...

Не онъ ли такъ славно чѣсть флота вынчалъ
Побѣдою дерзкой — и имя героя

Часть VI. Гл. II.

Стяжалъ отъ Великой неравенствомъ боя?
Не онъ ли фрегатомъ *стопушечный* взялъ?
Не онъ ли, бывало въ морывистый шквалъ,
Когда корабли всѣ, стенавъ трещали,
И пастью, какъ смертью пучины зѣлаи,
Ботъ къ спуску и въ ботъ безстрашно
лежалъ?...

И вотъ онъ, недвижимъ, безмолвенъ и
тихъ,

Безсильныя руки сложа на колѣни,
Герой, современникъ для двухъ поколѣ-
ній, —

Сидитъ у камина главою поникъ...

А. ВЫ — СКОЙ.

СОЗДАНИЕ ОЧЕЙ.

Въ первый день земнаго вѣка —
Какъ людей Зевесъ создалъ,
Надъ очами человека
Онъ задумавшись стоялъ.
Думалъ онъ, средь міра ночи,
Въ размышленьи и тиши —
Изъ чего бы сдѣлать очи,
Это зеркало души?

И дневнаго, и ночнаго
Собралъ онъ лучи свѣтилъ,
Блескъ метала золотаго,
Грань сапфира голубаго
Съ свѣтомъ неба вмѣстѣ слилъ;
Взялъ алмаза блескъ привѣтный,
Блескъ всѣхъ камней дорожныхъ,
Тихій свѣтъ дуги трехцвѣтной,
Искръ отливовъ огневыхъ,
Тму беззвѣздной полуночи,
Бездну моря, неба высь —
Слилъ въ одно и мигомъ очи —
Арче дил, мраніе ночи —
Подъ рѣсницами заглясь,
Отразился міръ кипучій
Въ ихъ лазуристой ночи,
Сквозь рѣсницъ — какъ изъ затучи —
Взора хлынули лучи;
Мигомъ — міръ онъ имъ окинулъ,
Гдѣ такъ пышно все цвѣло
И потомъ — онъ взоры вскинулъ
Гордо небу на чело.
Закипѣлъ во взорахъ страстныхъ
Пылъ души, огонь небесъ
И творецъ очей прекрасныхъ
Заглядѣлся въ нихъ Зевесъ.

В. ЗОТОВЪ.

НЕБЕСНАЯ НИВА.

Посмотри — какъ разбросались
Облака на волю,
Разостлались, развились!
Неба царственная высь —
Вспаханное поле!

Кто-то чудный разбросалъ
Ихъ рукой могучей:
То, Творецъ небесъ вспахалъ
Облака и тучи.
Вдоль по крову всѣхъ племенъ
Ихъ разбилъ, разсыпалъ
Только чѣмъ-то дивнымъ онъ
Облака засѣялъ.
Для кого-то возрастетъ
Плодъ небесный, дивный,
Кто-то жатву соберетъ
Съ этой чудной нивы?

Кто-то будетъ тамъ вкушать
Не земнаго хлѣба;
Будетъ въ счастья утопать
Будетъ съ Богомъ пировать
За трапезой неба!!

В. ЗОТОВЪ.

ТРИ ЭПИГРАМЫ.

1.

На Фенюшкѣ женился Власть;
И какъ они другъ друга страхъ—любили,
То договоромъ положили. . .
Въ недѣлю ссориться не болѣе трехъ
разъ.

2.

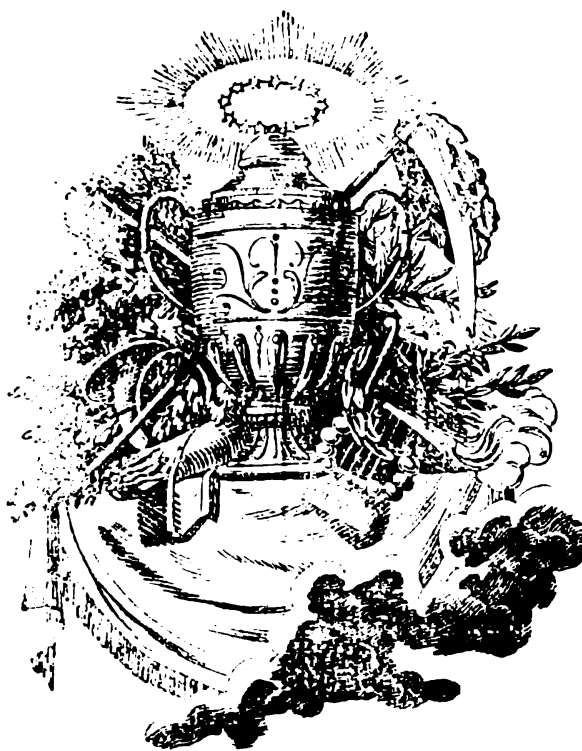
„Душа моя, душа моя!“
Всегда, вездѣ одно отъ Климта мнѣ про-
званье.
О люди добрые! За что же долженъ я
Отъ Климта выносить такое нареканье?
Чего нѣтъ хуже въ немъ — онъ тѣмъ
бранить меня!

3.

Гоняясь цѣлый вѣкъ за похвалою молвы,
Юриста спрашивалъ одинъ густой санов-
никъ:
„Читали ль голосъ мой?“ — Нѣтъ, отвѣ-
чалъ чиновникъ:
А вы? —

КОЛОМЕНСКІЙ СТАРОЖИЛЬ.

П Р О З А.

НѢКОЛЬКО ПИСЕМЪ

Суворова къ Императрицѣ Екатеринѣ II и къ Князю Потемкину.

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

съ 1787 по 1791 годъ.

I.

Свѣтлѣйшій Князь! вручитель сего курьеръ Ламакинъ, очевидный свидѣтель нашихъ дѣшнихъ игрушекъ (1). Какъ же быть, не безъ убытку. Заряды изпорченной пушки, я дополняю изъ Херсона. Об. Пр-мейстеръ (2), по-

(1) Нанаденіа, произведеннаго Турецкимъ флотомъ, на крѣпость Кинбурнъ 13 сентября — (2) Оберъ-Провіантмейстеръ.

терялъ два судна, одно 100 четвертей въ бурѣ потонуло съ нѣсколькими людьми, другое 60 чет. взяли Турки безъ людей: отъ Кинбурна примѣчено что повреждено было у нихъ одно судно и побиты люди нашей пальбою. Я просилъ нашихъ флотскихъ, чтобъ изъ Глубокой (3) секундировали, ихъ

(3) Пристани.

флотъ еще не прибавился. Легко-конный Мариупольскій (4) будетъ завтра къ Кинбурну, Павлоградскій. послѣ завтра, С. Петербургскому драгунскому писалъ я сего дня, чтобъ отъ Каменнаго моста, тудажъ выступилъ.

Вашей Свѣтлости и проч.
нижайшій слуга
АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

ч. 14 Сентября 1787 г.
На пути къ Кинбурну.

II.

Милостями Вашими, Ваша Свѣтлость меня дѣлать изволите Вашимъ Дежурнымъ Оберъ-Корпораломъ, для Высочайшей службы. За гостинцы (5) приношу мою нижайшую благодарность, особливо за Ломбарда (6) По сему, Милостивый Государь, Осипъ Михайловичъ (7) нечто Вашей Свѣтлости примѣтитъ и что не изволили оставить бѣднаго Тунцелмана. Теперь галеру Десну, отпустить, Свѣтлѣйшій Князь! сумнительно: ш.... (8) ее ничего, но она дастъ Туркамъ корму; а слѣпни у нихъ очень легки: ядры 36-ть и накопилось ихъ до 25, не говоря о бомбардахъ.

Николай Семеновичъ (9) всегда усер-

(4) Полкъ.

(5) За награды подчиненнымъ, отличившимся при отраженіи Турокъ отъ Кинбурна. — (6) Мичманъ Ломбардъ, родомъ Матвизецъ, не задолго до войны съ Турціею, вступилъ въ Русскую службу. Въ продолженіе военныхъ дѣйствій у Кинбурна, онъ находился въ Херсонской Эскадрѣ, подъ начальствомъ Контръ-Адмирала (нынѣ Адмиралъ и Графъ) Н. С. Мордвинова и командовалъ галерою *Десна*. Необыкновенно смѣлые его маневры, равно изумлявшіе и своихъ и непріятелей, принесли много пользы войскамъ Суворова, занимавшимъ Кинбурнскую косу и, по представленію сего полководца, доставили ему орденъ Св. Георгія 4 класса. — (7) Де Рибасъ, бывший тогда Бригадиромъ, а въ послѣдствіи Адмираломъ. — (8) Слова сего, за связностью буквъ, разобратъ нельзя. — (9) Мордвиновъ, началь-

ствіе имѣлъ, хорошо колибъ таковыжъ были Севастопольцы (10) и меньше хитрили, все бы здѣсь Стамбульское пропало, и тамъ бы гораздо меньше осталось. Послѣ равноденствія начинаются здѣсь бури и уже, около Покрова бываютъ сильны

Поручаю себя въ Ваше покровительство! и буду всегда съ глубочайшимъ почитаніемъ.

Свѣтлѣйшій Князь
Милостивый Государь!
Вашей Свѣтлости
нижайшій слуга
АЛЕКСАНДРЪ СУВОРОВЪ.

ч. 22 Сентября 1787 года.
Кинбурнъ.

III.

Батюшка Князь Григорій Александровичъ! простите мнѣ въ штытъ, право силы нѣтъ, ходилъ на батарею и озябъ. Милостивое Ваше письмо получилъ, ей ей всякой день одинъ разъ къ Вашей Свѣтлости курьера посылалъ.

Флотъ нашъ, Свѣтлѣйшій Князь! изъ Глубокой въ далеку уже здѣсь видѣнъ. О! колибъ опъ, какъ баталія была, въ ту же ночь показался, дешева бъ была раздѣлка; кромѣ малаго числа всѣ ихъ (11) морскіе солдаты, были на косяхъ противъ насъ; только и тутъ имъ мало выигрышу, ночью ближнія казачьи къ намъ на косяхъ пикеты, не видали чтобъ кто ни есть изъ оставшихъ перевозился, рано днемъ по большей мѣрѣ, перевезлось сотъ 6. 7. Тутъ натурально и раненыя; какіяжъ молодцы, Свѣтлѣйшій Князь, съ такими еще я не дѣлался, летать больше на холодное ружье. Насъ, особливо жестоко и почти на полувыстрѣлъ, бомбами, ядрами, а паче картечами, — были, мнѣ лицо все засыпа-

ствовавшій флотомъ въ Херсонѣ, какъ выше сказано. (10) Здѣсь Суворовъ говоритъ о Командирѣ Севастопольскаго флота, Контръ-Адмиралѣ Графѣ М. И. Вонновичѣ, котораго онъ не жаловалъ.

(11) т. е. Турокъ.